

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ВОПРОСУ О СНЯТИИ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ В ДЕЛАХ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

Статья повествует о новом подходе судов к борьбе с аффилированностью в делах о банкротстве.

Ключевые слова: банкротство; аффилированность; бремя доказывания.

A. S. Raynikov

RECENT LITIGATION PRACTICE IN BANKRUPTCY CASES PERTAINING TO THE ISSUE OF LIFTING CORPORATE VEIL

The article reflects on the new approach by courts to oppose use of affiliation concept in bankruptcy cases.

Key words: bankruptcy; affiliation; burden of proof.

На протяжении многих лет отечественная правоприменительная практика в сфере банкротства сталкивается с одной и той же проблемой – проблемой аффилированности и необходимости снятия корпоративной вуали для раскрытия истинных мотивов поведения несостоятельного должника и его кредиторов. Иногда складывается ощущение, что институт банкротства в российском праве – это вообще одна большая история аффилированности. Ее типичным следствием является использование недобросовестными участниками гражданского оборота так называемого контролируемого банкротства для достижения своих экономических целей в ущерб интересам других лиц и, прежде всего, кредиторов должника.

Типичный пример из практики.

Во время брака супруги учредили общество с ограниченной ответственностью, на балансе которого числился крупный склад. При разводе и разделе совместно нажитого имущества они определили, что бывшему супругу причитается доля в размере 51 % в уставном капитале общества, а супруге – в размере 49 %.

Будучи директором общества, супруг перевел все расчеты с арендаторами склада на серые схемы, в результате чего общество перестало получать прибыль и, как следствие, выплачивать дивиденды своим участникам. В таких условиях бывшая супруга утратила интерес к членству в юридическом лице и обратилась с заявлением о выходе из состава участников и выплате действительной стоимости ее доли в уставном капитале общества. Неисполнение требования о выплате послужило основанием для обращения в суд.

Через несколько дней после вступления в законную силу решения суда о взыскании действительной стоимости доли в арбитражный суд подано заявление о признании указанного выше юридического лица несостоятельным (банкротом). Пользуясь механизмом, заложенным в п. 2 ст. 313 ГК РФ (в прежней редакции), бывшая супруга исполнила обязательство общества перед одним из его кредиторов и, став на место последнего, получила возможность влиять на ход процедуры банкротства. Однако директор общества нейтрализовал ее, добившись включения в реестр требований кредиторов крупной задолженности по оплате строительных работ, якобы выполнявшихся подрядной организацией по договору с несостоятельным должником.

Возражения бывшей супруги против такого включения со ссылкой на мнимость договора, подтверждаемую отсутствием у подрядной организации свидетельства о допуске к соответствующим работам, необходимых для их выполнения сотрудников, техники и материалов, а также предусмотренных законодательством первичных документов (журналов учета выполненных работ), судом были отклонены. Суд оставил без внимания и довод о том, что заявление о включении в реестр требований кредиторов общества подано не самой подрядной организацией, а родственником директора данного общества, приобретшим требование по договору уступки¹.

Описанная история не уникальна. Таких случаев тысячи. Причем все (и адвокаты, и судьи, и арбитражные управляющие) о проблеме аффилированности знали, но до недавнего времени не могли предложить эффективные механизмы снятия корпоративной вуали. Главным

¹ См.: постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 03.02.2016 г. № Ф02-7428/2015 по делу № А19-14657/2013 ; постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 14.04.2016 г. № Ф02-1214/2016, Ф02-1475/2016 по делу № А19-14657/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

препятствием к этому являлся формальный подход судов к оценке возникающих правоотношений, примером которого служит следующая ситуация.

В деле о банкротстве хозяйственного общества появляется кредитор с требованиями из договоров займа. Другие конкурсные кредиторы возражают против включения этих требований в реестр, поскольку, по их мнению, такие договоры должником в действительности не заключались. В обоснование своей позиции они приводят несколько аргументов:

- во-первых, кредитор не представил оригиналы договоров займа (очевидно, во избежание заявления о фальсификации доказательства и назначения экспертизы давности изготовления документа);

- во-вторых, размер заявленных требований не соответствует информации, отраженной в бухгалтерской отчетности должника;

- в-третьих, большая часть договоров займа заключалась, якобы, в 2011 г., но до признания должника банкротом и открытия конкурсного производства в 2015 г. (т. е. четыре года) кредитор не предпринимал никаких шагов по взысканию задолженности.

Суд не воспринял приведенные доводы, поскольку договор займа является реальной сделкой и для возникновения заемных отношений достаточно подтверждения факта перечисления денежных средств должником кредитору¹.

На протяжении многих лет такой подход охотно тиражировался судами. Но в мае 2017 г. Коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации задала новый вектор судебной практики по вопросам о включении в реестр требований кредиторов несостоятельного должника задолженности перед «дружественными» кредиторами.

Суть рассмотренного судом дела сводилась к следующему.

Индивидуальный предприниматель по фамилии Михеева заключила несколько договоров аренды, по которым ей были переданы во владение и пользование нежилые помещения. Сразу же после этого она передала эти же помещения по договору субаренды некой организации. Прошло пять лет. Все эти годы Михеева копила задолженность по арендным платежам. В определенный момент в отношении нее было возбуждено дело о банкротстве по требованиям иных лиц, и тут

¹ Судебный акт доступен по ссылке: https://kad.arbitr.ru/PdfDocument/8dfe0416-de0e-4a1b-846e-da87a0e7b007/A19-18589-2013_20150525_Opredelenie.pdf.

с заявлением о включении в реестр требований кредиторов пришел тот самый арендодатель.

Нижестоящие суды заняли типичную для такой ситуации формальную позицию: наличие долга подтверждается безусловными доказательствами (подписанные договоры аренды с актами о передаче имущества во владение и пользование, акты сверки, платежные поручения с частичным погашением задолженности), в связи с чем выяснение иных обстоятельств, по смыслу ст. 100 и 142 федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» здесь не требуется.

Верховный Суд Российской Федерации с таким подходом не согласился.

Он обратил внимание на то, что при оценке заявляемого требования другие кредиторы указывали на принадлежность арендодателя, арендатора и субарендаторов к группе компаний, которая в действительности контролируется одним и тем же лицом – супругом Михеевой. В обоснование довода об аффилированности кредиторы ссылались на нестандартный характер договоров аренды:

– во-первых, у Михеевой отсутствовали собственные экономические нужды по аренде коммерческих помещений общей площадью более 10 000 м²;

– во-вторых, арендодатель на протяжении более чем пяти лет до банкротства не обращался с требованием о взыскании долга по арендной плате (тем самым, предоставляя отсрочку исполнения обязательства на неопределенный срок), что явно не соответствует цели извлечения прибыли, характерной для предпринимательской деятельности.

Оценив все это, Верховный Суд сформулировал вывод: *«О наличии аффилированности может свидетельствовать поведение лиц в хозяйственном обороте, в частности, заключение между собой сделок и последующее их исполнение на условиях, недоступных обычным (независимым) участникам рынка. ...При представлении доказательств аффилированности должника с участником процесса на последнего переходит бремя по опровержению соответствующего обстоятельства. В частности, судом на такое лицо может быть воз-*

ложена обязанность раскрыть разумные экономические мотивы совершения сделки либо мотивы поведения в процессе исполнения уже заключенного соглашения»¹.

Данный прецедент свидетельствует о концептуальном изменении подхода судов к оценке сделок при рассмотрении дел о банкротстве. Раньше недобросовестные участники дела о банкротстве могли действовать по принципу «а ты докажи». Доказать же прямую или опосредованную связь между несостоятельным должником и конкурсным кредитором в подавляющем большинстве случаев крайне сложно. Теперь стало достаточно указать на признаки не типичности той или иной сделки, на отсутствие у нее разумных экономических целей и этого достаточно, чтобы создать презумпцию аффилированности и перенести бремя доказывания обратного на тех, в отношении кого возникли соответствующие подозрения.

Является ли такой разворот в практике случайным? Пожалуй, нет. Он свидетельствует о наметившейся в последнее время правовой политике нашего государства по вскрытию корпоративной вуали в делах о банкротстве. В одном ряду с данной практикой стоит федеральный закон от 29.07.2017 г. № 266-ФЗ «О внесении изменений в федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»², в результате принятия которого, в частности, введено правило, позволяющее директору должника избежать субсидиарной ответственности, если он укажет того, кто за ним стоял, т. е. того самого бенефициара, предпочитавшего держаться в тени и ставить вместо себя номинальных директоров и учредителей (п. 9 ст. 61.11 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»).

Подобные новеллы наряду с концептуальным пересмотром сложившейся судебной практики свидетельствуют о значительном продвижении законодателя и судов в направлении поиска эффективных механизмов борьбы с аффилированностью в делах о банкротстве. Данная тенденция может вызвать позитивный эффект и за рамками указанной сферы, охватив собой корпоративные споры и споры о признании сделок недействительными.

¹ Определение Верховного Суда РФ от 26.05.2017 г. № 306-ЭС16-20056(6) по делу № А12-45751/2015 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

² Опубликован на официальном интернет-портале правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

Информация об авторе

Райников Артем Сергеевич – адвокат, магистр частного права, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса; Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: raynikov@gmail.com.

Information about the author

Raynikov Artem Sergeevich – Advocate, Master of Private Law, PhD in Law, Associate Professor of Civil Law and Procedure Department; Baikal State University, Lenin street, 11, Irkutsk, 664003, e-mail: raynikov@gmail.com.